

**«КАПУСТНОЕ ЧУДО» ЛЮДМИЛЫ УЛИЦКОЙ:
НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЯ МАЛОЙ ЭПИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ**

Как всякая творческая личность Людмила Евгеньевна Улицкая проявила себя в разных литературных жанрах: писательница начала с лирических стихотворений и переводов, получила особое признание читателей в жанре интеллектуальной повести, первая из представительниц женского пола завоевала именитые премии за экспериментальные романы «Казус Кукоцкого» и «Даниэль Штайн, переводчик». В начале 80-х годов в печати появились её первые рассказы, которые явили собой не просто вариант «женской прозы», а «интеллектуальное чтение» малой эпической формы.

Секрет популярности ее малого эпоса современная критика объясняет способностью автора «выписывать с особой тщательностью... тончайшие проявления человеческой природы» [1, 1]. Сама Людмила Улицкая так определяет писательскую стратегию в период работы над рассказами: «Я отношусь к породе писателей, которые главным образом отталкиваются от жизни. Я писатель не конструирующий, а живущий. Не выстраиваю себе жёсткую схему, которую потом прописываю, а проживаю произведения. Иногда не получается, потому что выхожу совсем не туда, куда хотелось бы. Такой у меня способ жизни» [1, 1]. Думается, что выбор литературного материала, необходимого для творческого воплощения в сборнике рассказов Л. Е. Улицкой «Детство – 49», были подсказаны самой жизнью.

Людмила Улицкая родилась 21 февраля 1943 года в Башкирии, поэтому сама не понаслышке знает, что такое эвакуация, репрессии родных. Тот, кто жил в послевоенные годы, хорошо помнит и голод, и холод, но больше всего он ценит человеческое участие и сострадание. Красной нитью всех «послевоенных рассказов» проходит тема толерантности («Капустное чудо», «Восковая уточка», «Дед-шепун»). По мнению автора, даже в таких сложных обстоятельствах люди должны оставаться людьми: «Как нас учили во времена молодости: что первично, что вторично? Бытие или сознание? История или герой? Не знаю. Должна произойти встреча человека и его истории. Тогда все получается» [2, 1].

Умело найденный сюжет для рассказа позволяет нарисовать необычные события и характеры, найти новый ракурс давно освещенных тем. Л. Е. Улицкая в одном из своих последних интервью заметила: «Жизнь полна сюжетов – простых, иногда до пошлости, и очень завывристых. А теперь книги выходят, и критики строят свои предположения, как я эволюционирую или деградирую... А я просто живу и делаю исключительно то, что мне интересно» [3, 1].

Делясь своими дальнейшими планами, писательница искренне замечает: «Сейчас вот пишу маленькие рассказы. Это самое лучшее из всех занятий, которые бывают возле компьютера. Не получается, отодвинул, и живи себе дальше. А вот когда не получается роман, ты вступаешь с ним в длинную и неравную борьбу, совершенно без гарантии, что выйдешь победителем.... Я делала в жизни резкие повороты и готова начинать заново. Это и есть перспектива: что жизнь подвижна, изменчива, предлагает каждый день новые задания и уроки. В краткосрочной перспективе – хотелось бы к осени закончить книгу маленьких и совсем маленьких рассказов. Сюжетов – как голодных котов на помойке.

И все они давно записаны. Новый сюжет – страшно редкое литературное событие. Меня же гораздо больше увлекает построение характеров» [4, 2].

Исследованием внутреннего мира своих героев, их характерологии занимается Л. Улицкая в рассказе «Капустное чудо». История двух сирот, старшей Дуси и младшей Ольги, попавших в дом старухи Ипатьевой прописывается через скупые портретные детали: «*Две маленькие девочки, обутые в городские ботинки и по-деревенски повязанные толстыми платками, или к зеленому дощатому ларьку... Девочки тесно прижимались друг к другу, топали озябшими ногами – ботинки были оареные, изношенные, тепла не держали»* [5, 146–148].

Динамизм в разворачивании сюжета создается с помощью форсирования одной художественной детали: «*Старшая из девочек, шестилетняя Дуса, мяла в кармане замызанную десятку. Эту десятку дала Дусе старуха Ипатьева, у которой девочки жили почти год... В дырочке кармана Дусино пальто, кроме десяти, лежала и картинка из журнала с нарисованным желтым зубастым японцем, замахнувшимся кривым ножом на кусок географической карты... Вернулась продавица. Отпустила капусту тётке впереди девочек, и Дуська вытащила из кармана заветную трубочку, развернув её – вместо десяти это была картинка с японцем. Она поширила в кармане, ничего в нем больше не было. Её охватила ужас»* [5, 145–150].

Остросюжетность создается описанием не героических личностей и их поступков, а воссозданием жизненных, бытовых событий (коллизий) и их необычным решением. Так, в рассказе «Капустное чудо» автор раскрывает судьбы двух девочек-сирот, старшей Дуси и младшей Ольги. Зимним вечером их привезли в дом старухи Ипатьевой: «*Они приходились внучками её недавно умершей сестре и были сиротами: отец погиб на фронте, а мать умерла годом позже. И соседка привезла их к Слонихе – ближе родни у них не было. Ипатьева разогрела их у себя, но без большой радости. Наутро, ставя на плите кашу, она бормотала: привезли, мол, на мою голову...»* [5, 146].

Внезапные повороты в судьбе персонажей активно двигают сюжет от завязки к развязке: «*Первую неделю девочки молчали. Казалось, что они не разговаривают даже между собой, только шуршат, почесывают головы, Старуха тоже молчала, ни о чем не спрашивала и все думала большую думу: оставлять их при себе или сдать в детдом. В субботу...»* [5, 147].

Огромную роль в рассказе играют перипетии (неожиданные повороты в судьбе героев), которые приобретают в рамках малой эпической прозы философский смысл: «*В субботу она взяла таз, чистое белье и девочек, волосы которых были заранее намазаны керосином, и повела их на Селезнёвку в баню. После бани Ипатьева впервые уложила их спать на свою кровать. До этого они спали в углу, на матрасе. Девочки быстро заснули, а Ипатьева еще долго сидела со своей подружкой Кротовой. Выпив чаю, она сказала: «Господь с ними, пусть живут. Может, неспроста они ко мне на старости лет пристали»*» [5, 147]. Девочки тут же почувствовали, что их судьба решена: они заговорили между собой, а потом и со старухой, которую стали звать бабой Таней.

Поддержать интерес к разворачивающемуся действию помогает еще один авторский прием: использова-

ние эпизодов-неожиданностей, в которых раскрываются характеры главных героинь. Старуха Ипатьева послала Дуню с Олей купить капусты – нужно делать запасы на зиму. В ожидании машины с товаром девочки долго мёрзли в очереди, потом терпеливо ждали и пропускали к прилавку «всех стоявших ранее», безропотно перенесли и время обеда: *«Им в голову не приходило уйти без капусты»* [5, 149]. *«Вернулась продавщица. Отпустила капусту тетке впереди девочек, и Дуська вытащила из кармана заветную трубочку. Развернула её – вместо десятки это была картинка с японцем. Она пошарила в кармане, ничего в нем больше не было. Её охватил ужас. «Тенька! Я деньги потеряла! – закричала она. – По дороге потеряла! Я не нарочно!»* » [5, 150].

Мотив случайностей продолжает реализоваться и в описании образа Ипатьевой: старуха волнуется за своих приёмных, глотая слёзы, она называет девочек *«золотыми»*, *«ласковыми»*. Внешне суровая, всегда сдержанная на похвалу, баба Таня только теперь осознаёт значимость детей в её судьбе: есть ради кого жить, ради кого работать. Финальная сцена восстанавливает гармонию в отношениях между героинями. Девочки принесли капусту домой и выполнили бабушкин заказ.

Заглавие рассказа Л. Улицкой «Капустное чудо», задающее сюжетную перспективу всему повествованию,

выполняет еще одну функцию. Автор пытается соединить назидательность и «духовную пользу» с внешней занимательностью. Произошло чудо: грузовик на всем ходу сбросил два кочана капусты к ногам отчаявшихся девочек (1), дети поверили в волшебство и гуманность окружающего мира (2), произошло внутреннее перерождение старухи Ипатьевой (3).

Людмила Улицкая создала уникальную серию рассказов «Детство – 49», в которой еще раз подтвердила право называться писателем, не боящимся экспериментов. «Сюжеты с обильными перипетиями и умиротворяющей развязкой воплощают представление о мире как о чем-то устойчивом, надёжном, определённо-твердом, но вместе с тем не окаменевшем, исполненном движения», – писал В. Е. Хализев [6, 386].

Таким образом, сюжет малой эпической прозы Л. Е. Улицкой (рассказ «Капустное чудо») обладает рядом содержательных функций:

1. выявляет и характеризует связи человека с его окружением;
2. обнаруживает и напрямую воссоздает жизненные противоречия (конфликты);
3. создаёт поле действия для персонажей – один из способов их раскрытия перед читателем (поступки, эмоцион эмоциональные отклики на происходящее др.).

Литература

1. Улицкая, Людмила // Википедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 10.04.2011.
2. Светова, З. Моими учителями были генетики / З. Светова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ulickaya.ru/content/view/1284/>. – Дата доступа: 10.04.2011.
3. Шигарёва, Ю. Принцип Улицкой: без трупов и уныния. Умение страдать [Электронный ресурс] / Ю. Шигарёва. – Режим доступа: <http://www.ulickaya.ru/content/view/1281/>. – Дата доступа: 10.04.2011.
4. Кучерская, М. Роман меня напишет [Электронный ресурс] / М. Кучерская. – Режим доступа: <http://www.ulickaya.ru/content/view/1280/>. – Дата доступа: 10.04.2011.
5. Улицкая, Л. Е. Детство – 49 / Л. Е. Улицкая // Истории про зверей и людей / Л. Е. Улицкая. – М.: Эксмо, 2009. – С. 143–200.
6. Введение в литературоведение. Литературное произведение: Основные понятия и термины: учеб. пособие / Л. В. Чернец [и др.]; под ред. Л. В. Чернец. – М.: Высш. шк.; изд. центр «Академия», 2000. – 556 с.